

ВЫСШАЯ ШКОЛА
СКАЗКОТВОРЧЕСТВА
ступень 3

Сборник Психологических Сказок

Нина Изгарова

ПРИТЯНИ К СЕБЕ
СЧАСТЬЕ

«Со-Творение»
Тренинговый центр
Салавата Юсупова

Нина Валентиновна Изгарова
Притяни к себе
счастье. Сборник
психологических сказок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71308024

ISBN 9785006487901

Аннотация

Сказки эти посвящены раскрытию внутреннего мира, который есть в каждом. Не надо бояться новых открытий в себе, не надо держаться за старое, если оно перестаёт приносить желаемый результат. Помимо красивого содержания, сказки зачастую несут в себе и глубокую истину, способную открыть глаза на многие вещи. В этой книге, собраны сказки, написанные на курсе Натальи Михайловны Стуковой «Высшая Школа Сказкотворчества – 3».

Содержание

Предисловие	5
Будь собой	7
Как Анна в королевстве вреднюг побывала	19
Хозяйка своей жизни	32
Благословение Рода	55
Путешествие на ту сторону	68
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Притяни к себе счастье Сборник психологических сказок

**Нина Валентиновна
Изгарова**

Редактор Салават Данилович Юсупов

Вёрстка и оформление Алла Николаевна Письменная

Публикация книги ТЦ Со-Творение

Иллюстрации Елена Николаевна Патанина

© Нина Валентиновна Изгарова, 2024

ISBN 978-5-0064-8790-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Бывают в жизни моменты внутри себя, когда становится жить просто невыносимо. Ходишь, ешь, спишь, работаешь – а внутри страшная духота от гнилых, скучных понятий. Память судорожно ищет выход, которого, кажется, нет. Поменять работу? Погрузиться в отношения? Уйти в зависи-

мость? Что сделать, чтобы в животе порхали бабочки, на душе было тепло и радостно? Где этот выход из лабиринта? Ведь надо вставать утром и смотреть близким в глаза, готовить завтрак, варить кофе, переживать злость, раздражение, депрессию и жить дальше, воспроизводя бесконечный круг самопомощи.

Здесь поддержат, помогут взглянуть на ситуацию по-другому сказки для взрослых девочек. Они погружают каждую в свой Внутренний мир. Нырнёшь в них, словно в колодец, чтобы почистить душу, и уберешь грязь. Наполнишься чистотой. Нырнёшь глубже, чтобы выскоблить, очистить другую сторону и уберешь следующий слой грязи, что собрался за годы жизни. С каждой сказкой открываешь что-то новое, удивительное в себе. Вроде бы всё хорошо, а копнешь глубже – чего только не достанешь – и тень свою увидишь, и зависть, и характер неуживчивый. А почистишь, вреднюг прогонишь, да Камертон внутренний настроишь, и Добрую Судьбу найдешь. Кажется всё это просто, обыкновенно, бесхитростно и вовсе не волшебно, но снимая грязь, накипь, шелуху с глубины души, поселяешь туда новые знания о самой себе, о которых вовсе не догадывалась и чувствуешь себя совсем другим человеком. Наполненным, умиротворённым, счастливым.

Будь собой

Скромная, застенчивая Инна с длинными русыми волосами и остро вздёрнутым носом чем-то походила на пикси, сказочное существо кельтов. Рукастая и хозяйственная была девушка – вышивать, да вязать славно умела, пироги пекла отменные, щи, да борщи наваристые готовила. А в саду у неё, что ни цветок, то диковинка. Жила-поживала она в небольшом городишке, где всё как на ладони и все друг друга знают.

Разное про неё говорили – и доброе, и не очень, но, в основном, не слишком приятное. Или она так слышала. А саму себя Инна не видела, не отражалась она в зеркалах. Ни в роскошном овальном зеркале в широкой бронзовой раме, что висело в прихожей. Ни в крохотном карманном. Ни в круглом, на позолоченной ножке, что в соседнем магазине возле витрин. К какому бы зеркалу девушка не подходила, себя там не видела. Поэтому и верила каждому, кто про неё что скажет.

Кто-то называл её неуклюжей молчуньей, а другой добавлял, что она дурнушка и ворона. Да мало ли эпитетов найдётся у завистников, чтобы обидеть человека? Кто-то отмечал её вежливость и аккуратность, обворожительность и непохожесть на других. А иногда уверяли, будто она не девушка, а сморчок, и руки то у неё не с того места растут, и ступает то она не так, да и хозяйка никудышная. И плакало сердечко девичье горькими слезами от обиды такой, потому, как камнем ложились слова унижительные на душу и руки опускались. В такие минуты хотелось девушке исчезнуть, раствориться, чтобы не видеть, не слышать никого. Терпела Инна, терпела, да и сбежала в лес, от людей подальше, благо он совсем рядом был. Шла по знакомым с детства полянкам, да просекам и рассуждала:

— Чего это я буду всех пугать, раз я такая страшная и ник-

чемная? Буду в лесу жить. Со зверьём лучше, чем с людьми, поди-ка. Не осудят, в глаза тыкать не будут моей никудышностью.

Долго ли, коротко шагала она, углубившись в свои думы, пока не забрела в самую чащу лесную. Не осталось уж у нее сил дальше брести. Присела она на старое поваленное дерево, да и решила:

— Не пойду больше никуда дальше, пусть меня лучше дикие звери съедят, чем чудищем таким среди людей добрых жить!

Смотрит, а под огромной сосной кто-то шевелится. Зажмурилась девица:

— Вот, — думает, — и смерть моя пришла.

— Иииии, красна девица, ты чего это удумала? — кто-то за коленку её тихонько тронул.

Открыла Инна глаза, да и видит — стоит перед ней этакий Старичок-Боровичок, ростом с локоток, весь седой.

— Да чего ж я такого удумала? — прошептала девица, всхлипывая, — сказывают люди, что я страшная, да неуклю-

жая и характер у меня дурной. Как мне такой на свете белом жить? Вот и решила, что хватит землю топтать, да глаза всем мозолить.

– А ты что ж, сама-то себя не видала никогда, что ль? – Лесной Хозяин молвил, – почто слухам разным веришь?

– Нет, дедушка, не видала. Да и как увидеть-то, коль я в зеркалах не отражаюсь? А уж как хочется на себя посмотреть!

– Ладно, помогу я твоей беде, не печалься, девица, – решил Старичок-Боровичок. – Вижу я, что сердце у тебя доброе. А зеркало-то оно что? Ведь не отражает ничего, кроме внешней оболочки.

И с этими словами прикоснулся Лесной Хозяин зеленым прутиком ко лбу девицы, и полетела она в разноцветный колодец. Ей казалось, что вокруг, яркие голубые звёзды высыпали на черное небо, обозначив глубокую даль космоса. Розовые, зелёные, желтые круги плавно плыли по воздуху, гирлянду разноцветных шариков тянули за ниточки красивые пестрые бабочки. Всё искрилось, переливалось, сверкало. Долго летела Инна, охая не то от страха, не то от восхищения, да на полянку зеленую и упала. Повертела головой в разные стороны, глаза закрыла-открыла, да и молвила:

– Где это я оказалась? И что делать дальше? Как же я назад вернусь?

– Отыщи себя, Истинную, тогда и путь назад найдешь! – услышала она голос Старичка-Боровичка.

Поднялась девица на ноги, вперёд двинулась. Шелестят на ветру березовые кроны, будто рассказывают ей что-то успокаивающее. Пахнет мхом и грибами, да лесной настил пружинит под подошвами как надувной матрас, а в пробивающих сквозь листву лучах мошкара роится, да где-то высоко заливается трелью птица. Ступает Инна осторожно, с любопытством головой вертит. Видит – болото гнилое перед ней, так и чавкает, так и норовит в глубину утащить. Чуть поодаль топь делает вдох и резко выдыхает смрадом. Брр... Справа от неё дерево, торчит засохшим огрызком. Хлюп-хлюп под ногами чавкает зловонная жижа. Смрадно, и как-то жутко. А на той стороне болота – терем красоты невиданной.

Да только как до него добраться, коли ведёт через трясину тропка узкая, камнем выложенная. И камни те едва ли на треть на местах лежат. Посмотрела девица кругом, видит – лежит у самого края топи кучка камней, будто нарочно для тропки собранная. Только вот беда – все они разной

формы.

– Гляди, девка, внимательней! Коль не на то место камень положишь – тут и утопнешь! – прозвучал голос Старичка-Боровичка.

Повздыхала Инна, да делать нечего. Набрала камней полный подол, и вступила на тропинку ненадежную. Над головой ветер протяжно завыл, где-то заухала сова. Девушка напряглась как натянутая струна, камни в подоле съежились, теснее прижались друг к другу. Но тут звуки стихли совсем, образуя сладостную тишину, словно потерялись в лабиринте спокойствия и пустоты. Инна успокоилась и взяла первый камень, вспомнив бабушкины слова: «Глаза бояться, а руки делают». Камень был тёплый и даже светился, на гладком боку проступал какой-то рунический знак. Камень выскользнул из её рук и с глухим стуком плюхнулся в топь, продолжая тропинку. Второй камень, что взяла она в руки, был тёмно-синего цвета и как будто заключал в себе глубины океана. Инна бережно положила его рядом с предыдущим. Так она трепетно брала каждый камень в ладошку, разглядывала его и устраивала на тропинке.

Медленно пробиралась девица вперёд, устала, выдохлась, но не отступила. Камешек к камешку выкладывала. А когда оказалась на другой стороне болота, оглянулась назад,

да так и охнула – засияла тропинка ровная, гладкая, а болото и вовсе исчезло, словно и вовсе не было. На его месте зеленел обширный луг, прихотливо усеянный множеством цветов. Подняла Инна глаза – прямо перед ней сказочно красивый резной терем с высоким крыльцом возвышается. И терем, и крыльцо опутывали розовые, кремовые и жёлтые плетистые розы, соединяющиеся наверху и образующие прекрасные арки. Вошла она тихонечко на крыльцо, толкнула створки узорчатые и удивлённо замерла на пороге. Убранство терема сливалось в яркую ленту картин, скульптур, пышных тканей, лепных и кованых украшений, и золотым блеском сияло в свете многочисленных ламп.

– Чтобы в этих хоромах жить, надобно и вид иметь соответствующий. Иди, переоденься, да смотри, с выбором не промахнись! – вновь проговорил Хозяин Лесной, – Только знай, что надо тебе наряд на глаз подобрать. Коли большой выберешь, али маленький, слишком дорогой, али слишком дешёвый – так и будешь тут всю жизнь бродить, на свет не выйдешь!

Вошла Инна в гардеробную – а там, на плечиках, теснились всевозможные разноцветные наряды, на полочках стояли туфли, а громоздкие сундуки были аккуратно сдвинуты к стене. И стала девушка промеж них бродить, наряд себе выбирать. Дотронулась до голубого бархатного платья

с жемчужной булавкой, уж больно красивым оно показалось, а оно прямо руку обожгло. Нежное платье в цветочек никак не снималось с плечиков, а твидовый коричневый костюм спрятался за маленькое черное платье. Долго бы ещё Инна мыкалась среди всего этого великолепия, если бы при виде одного наряда сердечко не ёкнуло. Синий шёлк платья обхватил её фигуру, как вторая кожа. Полупрозрачное, украшавшее спину кружево с плетением цветов, птиц, деревьев было неожиданно, но смотрелось просто потрясающе!

Придерживая длинный подол платья, девушка подошла к полке с туфлями и остановилась прямо возле изящных лодочек. Надела, ногой притопнула и рассмеялась. Тут крышка у одного из сундуков распахнулась, и яркий клатч прямо прыгнул в руки девушки. Только Инна собралась идти дальше, как шкатулка, стоявшая на комод из слоновой кости мелодично звякнула, откинула крышку, будто шляпу приподняла, и на мгновение ослепила Инну мерцаньем драгоценностей. Столько сокровищ она не видела никогда. Уникальные украшения, наверное, были со всех концов света собраны. Тут тебе и золото-серебро, жемчуга да малахиты разные, бриллианты да изумруды. Хотела, было, Инна мимо пройти, не любила она побрякушки девичьи, да голос Старичка-Боровичка остановил:

– Выбери себе семь камней али металлов, да смотри,

не прогадай. Коли правильный выбор сделаешь – станешь Царицей этого царства. А нет – так и будешь тут всю жизнь бродить!

Вздыхнула девушка, глаза закрыла, да сердцу доверилась. Выбрала она подвеску бирюзовую – символ силы жизненной, колечко серебряное, витое – для сердца чистого, перстень с аквамаринном цвета небесного. Браслеты с узорчатой чеканкой, лазурином для оберега, брошь сапфировую от сглаза. А как серьги рубиновые для счастья семейного в уши вдела, так неведомая сила закружила её с бешеной скоростью и через мгновение опустила посреди величественного зала с зеркальными стенами и тёмным полом. Многоярусная хрустальная люстра, состоящая из тысячи капелек, переливалась всеми цветами радуги.

В зеркалах отражалось миловидная девушка во всей красе со спокойным лицом в синем шёлковом платье с кружевами. Увидела Инна, как прекрасны её глаза, нежна кожа, стройная фигура. Забилося, затрепетало сердце девичье от радости. Кто-то подставил ей золотое кресло под опахалом из страусовых перьев, кто-то поднёс кубок с питьём. Инна недоуменно оглядывалась. В стороне толпились стольники, слуги, няньки, мамки, с подобоострастием смотревшие на нее. А сама она смущённо краснела, бледнела и готова была рухнуть в обморок.

– Вот и увидала ты себя, Истинную, – услышала она голос Лесного Хозяина, – теперь выбор за тобой – можешь тут остаться, Царицей быть. Пользоваться всем, чем только пожелаешь, ни в чём нуждаться не будешь. В услужении у тебя народу много. А можешь – обратно в мир вернуться, и прежней жизнью жить.

Подумала Инна, подумала, да и говорит:

– Благодарю тебя, Хозяин Лесной, что позволил разглядеть себя подлинную. Нет уж, теперь я саму себя знаю, нипочем молве людской про себя больше не поверю. Дома меня ждут родные, и близкие, да дела разные. Жить хочу я ради мелочей всяких. Ради рассвета и заката. Ради езды на велосипеде с музыкой в ушах и ветром в волосах. Ради танцев под дождем и смеха до боли в животе. Ради любимых песен и хороших книг. Жить ради улыбок без повода и длинных разговоров. Ради печенья с чаем и отдыха после тяжелого дня. Жить ради ночных приключений и ради звезд, провожающих домой. Жить ради людей, которые любят тебя и ради новых знакомств. Жить ради тех мелочей, что заставляют почувствовать себя живой. А тут в неге и довольстве жить не смогу я. Так что, пожалуй, домой отправлюсь. Прости и не обессудь.

– Будь по-твоему, девица, только наказ тебе мой таков: будь собой. Что бы ни случилось, будь собой! Ничто в мире, никакие ценности не стоят твоей свободы быть собой. Может быть, когда-нибудь ты встретишь подобных себе и сама поймешь, что ты – такая, какая есть, уникальная, и не стоит обращать внимания на попытки других тебя переделать. Они не понимают, но их невежество не должно тебя волновать... Будь собой!

Взмахнул добрый молодец рукой, и очутилась Инна дома. Глянула в роскошное овальное зеркало в широкой бронзовой раме, что висело в прихожей: вот она, красавица в синем шёлковом платье с сияющими глазами. И в крохотном карманном зеркальце то же самое личико, прекрасное улыбающееся отражается. Ей даже показалось, что она услышала голос Старичка Боровичка, а, может, это и в самом деле было так:

– Я тебе ещё не говорил, что ты таишь внутри себя всё волшебство мира?

Смущённая, радостная Инна выскользнула в сад, встретивший её разноголосым щебетом птиц, весёлым стрекотанием прячущихся в траве кузнечиков. Запах цветущих пионов кружил голову и, словно замороженная, она сделала шаг вглубь, погрузившись в прохладу. Удивительное чувство –

счастье, поселилось в её душе.

Она больше не обращает внимания на злобные слова и шепотки вслед. А просто слушает своё сердце, которое никогда не обманывает. Вскоре и человек ей хороший встретился, её полюбил, да и она его. Вместе они гуляют босиком по утренней росе, а длинными, летними ночами считают упавшие в реку звезды, и делят их на двоих. Счастье для них смотреть в глаза, а не сквозь. Смотреть и видеть. Слышать. Прозревать.

— Не бойся начинать заново, это новый шанс попробовать то, что ты хочешь, — говорит он.

А она смеётся и рисует, радуясь своими твореньям. Пишет сказки, и они вместе читают их и дарят друзьям. Они знают, что главное — это быть собой.

Как Анна в королевстве вреднюг побывала

Анна медленно брела по улице, всё время спотыкаясь о корни растений, вспучившие асфальт. Из окон домов лился уютный свет, оставлял жёлтые лужицы и порождает зависть к чужому беззаботному уюту. Сегодня прямо с самого утра как-то всё не шло, не клеилось и не вязалось. Пролила кофе, оторвала ручку от сумки, поцапалась с домашними. Мало того, что опоздала в редакцию, так ещё там все пришли к единодушному выводу, что Анна совершенно бесталанное

существо, абсолютно не дружит с головой и её мнения лучше вообще больше никогда не спрашивать. Как могло такое случиться, если ещё вчера всё было хорошо? Разом что-то поменялось, и мир пошатнулся. Настроение её испортилось ещё больше, когда взбесившийся воздух поднял с поверхности земли всё, что было ему по силам. Обрывки афиш, словно разноцветные самолёты, выглядывали, куда бы им приземлиться. А пластиковые стаканчики беззаботно катились вдоль домов. Затем ветер схватил дирижерскую палочку и взмахнул испуганным оркестрантам спального района. Загрохотали карнизы, заскрипели антенны, загудели вытяжки, зашлёпали провода.

От обиды и разочарования Анино сердце сжалось. Всё о чем мечтала, планировала, рухнуло, как карточный домик. Она ощутила пустоту и, где-то глубоко внутри пополз холод. У неё задрожали руки, а из глаз сами собой предательски закапали слёзы. Порыв сильного ветра откинул назад волосы, подтолкнул к дверям небольшого магазинчика, на витрине которого большой белый Кот призывно махал лапой. Анна остановилась, желая разглядеть Кота получше, и не долго думая толкнула дверь. В крошечном магазинчике было полным-полно всякой всячины: на столе и подоконнике – камни с кораллами, какие-то чудные коряги, на стене – большая полка со старыми книгами. Повсюду ящики и стулья, в углу громоздился кожаный диван, над которым висели шесть

или семь часов с маятниками, больших и маленьких, создававших мелодичный звон. А чуть поодаль – стойка, на которой в тарелочках возвышались булочки с изюмом и корицей, вафельные трубочки со взбитыми сливками, миндальные рогалики в сахарной пудре, пряники в шоколадной глазури. Там же, словно Змей Горыныч, изрыгала пар кофеварка. Глазами полными детского восторга Анна осматривалась вокруг, и не заметила, как кто-то тронул её за локоть сзади. Она резко оглянулась, но, не увидев никого за своей спиной, облегчённо вздохнула и виновато улыбнулась.

– Ты как? Испугалась? – спросил Кот.

– С ума сойти, говорящий Кот, – девушка замерла от удивления и зажмурила глаза, – извини, не ожидала....– произнесла она и осеклась.

А что она вообще сегодня ожидала? Утром были такие планы, но они рухнули, осыпались, так и не воплотившись.

– Да, бывают такие дни, непруха-невезуха, – словно читая её мысли, произнёс Кот, мягкой поступью подходя к девушке, – по закону подлости в один день сразу налетают проблемы, и в довесок ко всему чувствуешь себя плохо. Да ты не тушуйся, наливай кофеёк, булочку бери, угощайся пока. А я тебе подарочек подыщу.

Он порылся в одном из сундуков, стоявших в углу, выудил оттуда подвеску с вечной мечтательницей, ищущей для себя развлечения и приключения Алисой из Страны Чудес. Анна даже чуть не подавилась булкой, во все глаза рассматривая подарок. Ведь это её любимая героиня ещё из детства, она всегда хотела походить на Алису.

– Лестница жизни полна заноз, а больше всего они впи-
ваются, когда ты сползаешь вниз, – молвил Кот, протягивая подвеску девушке, – и помни, то, что ты ищешь, порой сле-
дует за тобой по пятам.

Всё вокруг завертелось вихрем, стало закручиваться в во-
ронку, девушку куда-то потянуло с бешеной скоростью. Че-
рез мгновение, показавшееся ей вечностью, она очутилась
в здании вокзала – месте, где душе всегда беспокойно. Люди
снуют туда-сюда, каждый озабочен чем-то своим: ожидани-
ем поезда, покупкой билета или поиском места, чтобы при-
сесть. Приходили и уходили поезда. Вокзал пустел и снова
наполнялся. Недалеко от билетных касс в неглубокой нише
сидели молодые ребята с гитарой и пели: «Не стоит обижать-
ся на судьбу! Она, увы, ни в чём не виновата! И зря не стоит
возносить мольбу, за всё придёт со временем расплата». Во-
круг как-то разом замелькали яркие юбки, зазвенели серь-
ги и бубны, гортанный голос потребовал позолотить ручку,

на которой и без того было изрядно золота. Кому-то тут же предрекали счастливую жизнь и троих детей, а другому пригрозили проклятием, снять которое можно будет за денежку.

– Разочарование не то сокровище, которым ты дорожишь, – промолвила молодая цыганка в зелёной косынке с целой копной блестящих чёрных кудрей и, медленно повернувшись, ушла.

Подошёл очередной поезд, и шумная толпа вынесла Анну на перрон. Она даже не поняла, как очутилась в купе. Колеса поезда заскрежетали и начали выстукивать свой монотонный мотив. В окно ворвался поток свежего воздуха. Но тут дверь в купе с шумом отворилась, и появились довольно странные попутчики.

– Ну, милочка, куда едем? – обратилась к ней женщина средних лет, высокая, худая, с невыразительными чертами лица и высокой причёской, – меня, кстати, госпожа Обесцения зовут, – на поводке она держала не то собаку, не то змея трехголового. Анна даже подумала, уж, не из Чернобыля ли такое чудо привезли, там разные мутанты появились. Но госпожа Обесцения, ласково поглаживая псину, продолжала:

– Пёсик мой хорошенький, не обидит, не бойся, коли вести себя хорошо будешь. СНУН его кличут. Непростая со-

бачка, учёная! А это сестрица моя названная – госпожа Винзу, – указала на женщину в чёрном платье-балахоне до пят и строгой косынке. Бледное суровое лицо, практически лишённое бровей, плотно сжатые губы вкупе с нарядом делали её похожей на монашку, – ну что чайку выпьем и потолкуем, милая?

Госпожа Обесценяна щелкнула пальцем, и на столике появилось 3 стакана в подстаканниках с чаем, бутерброды, а на полу 3 миски для собаки – с молоком, водой и какой-то похлебкой. Анна сидела, вжавшись в угол и, даже дышать боялась, не то что чай пить или разговаривать. Попутчики тем временем трапезничали и, лукаво поглядывая на Анну, вновь завели разговор. Она хотела было отвернуться к окну, но те объявили, что теперь она их пленница и служить им будет, а выбраться от них никогда не сумеет. Ведь они из самого Королевства Вреднюг прибыли. На возмущённые слова девушки внимания не обратили, просто рассмеялись.

– Ты ещё не знаешь, кто мы! – проскрипела противным голосом Винзу. Моё полное имя – Вина за Успех. А собачка наша Страх. И каждая голова за своё отвечает. Знаешь как расшифровать её кличку СНУН можно? Страх Неудачи, Страх Удачи, Страх Некомпетентности. Видишь, какое имечко заковыристое?! Так что не рыпайся, дорогуша! Будешь теперь с нами и за нас!

И она распахнула дверь купе. Анна хотела выскользнуть в проём, думая добраться до проводницы и попросить помощи, но оказалась в огромной библиотеке, в которой практически потерялась. Ей стало интересно и, она, хватая книги, начала читать то одну, то другую, то третью. Энциклопедии, словари, собрания разных авторов, знаменитых и не очень окружили её со всех сторон, укладываясь у её ног, манили в разные стороны. Анна с ужасом осознала, что ей никогда не осилить всего этого. У неё опустились руки:

– Я не всё знаю – пробормотала она, – я не компетентна во всём, и горько заплакала.

– Вот видишь?! Ты наша, – обрадовалась странная троица, а Винзу захлопала в ладоши.

Открылась ещё одна дверь. Глянув туда, Анна зажмурилась и сжалась. Лобное Место. Она стоит на высоком помосте, вокруг шумит, беснуется толпа. Все показывают на нее пальцами и вопят:

– Она неумеха! Самозванка! Она ничего не знает! Ей ничего нельзя доверить!

Анна почувствовала себя мошенницей, обманывающей

других, поняла, что никогда ничего не достигнет, как была неудачницей, так и останется, что правильно ей говорили, что у неё руки не с того места растут. Вокруг успешные люди, а кто она? Ничтожество! А троица странных существ с ликованием и гиканьем распахнула третью дверь. И там, в зеркальном зале, танцевал странный человек. Анна даже не поняла кто это – то ли мужчина, то ли женщина. Костюм как у Арлекино – одна половина белого цвета, другая – черного, с одной стороны свешиваются светлые локоны, на другой – волосы топорщатся тёмным ёжиком. Пухлые губы намазаны блеском, и глаза какие-то необычные. Зрачки вдруг сузились, точно у кошки, на желтоватые белки легла тень ресниц. Танцор схватил Анну за руку, вовлекая в танец, попутно пытаясь убедить разными голосами, что самое страшное – это успех или неудача.

Девушке стало жутко, показалось, будто раздирают её на части и тащат в разные стороны. Трехглавая псина иступленно не то залаяла, не то захохотала. Анна, вырвавшись из рук танцора, взбежала на пьедестал, стоящий в глубине зала. Тут же загремела увертюра, вспыхнули софиты, перечеркнув сумрак зала длинными колоннами яркого света Толпа, окружающая пьедестал, зааплодировала, зарукоплескала ей, забросала цветами. Но подлая псина подобралась к пьедесталу и стянула девушку вниз. Госпожа Винзу тут же принялась отчитывать, обвинять и стыдить её. Упрёки и укоры

так и посыпались на бедолагу. У Анны подкосились ноги, она скрючилась, сжалась в комок и закрыла глаза, прошептав:

– Видно пропадать придётся.

Но тут же каким-то мистическим образом оказалась в зале суда на скамье подсудимых. Прокурор, в мантии с надписью «Внутренний Критик» начал зачитывать длинный список ее прегрешений: противоречие, излишние увлечения взаимоисключающие мысли, примитивность, непрактичность, нечуткость, чувствительность... Он зачитывал и зачитывал, листая станицы и, от ярости его голос всё более повышался. Наконец, захлопнув папку, устало произнёс:

– Вы признаёте свою вину? Что скажете в своё оправдание, подсудимая?

– Я знаю, что ничего не знаю, но другие и этого не знают, – прошептала девушка.

– Возражаю! – выкрикнул Адвокат, вскакивая со стула, – Хочу донести до вашего сведения, что моя подзащитная ни в чём не виновна! Соблаговолите принять во внимание то, что обвинение, выдвинутое против неё, неразрывно связано с пособничеством вот этих сотоварищей, – и он жестом указал на мерзко ухмыляющуюся троицу, – хотя и обращено

только к ней одной, ибо улики и доказательства здесь таковы, что, учитывая обстоятельства...

Судья, одетый в ярко-жёлтую мантию с зелёным поясом, без парика, но в странной формы шляпе, выругавшись, стукнул молоточком, а потом с ехидством взглянул на защитника.

– Не печальтесь, Адвокат. Все будет пучком! На одной чаше весов у меня преступник, собственной персоной, а на другой... – он многозначительно посмотрел на Анну.

Та приготовилась к худшему. Губы задрожали, и крупные слёзы покатались по щекам. Она полезла в карман за платком, нащупала фигурку Алисы в Стране Чудес, подаренную ей Котом и услышала, как та шепчет ей свою знаменитую фразу: «Они не настоящие! Они просто колода карт!»

Анна вскочила со своего места, и с яростью выкрикнула эти слова в лицо Судье. Зал суда тут же вместе со всеми в нём находившимися исчез бесследно, будто провалился сквозь землю. Алиса звонко рассмеялась, протягивая девушке очки.

– Надень их, пожалуйста, это ОРЗ – Очки Реальной Зна-

чимости.

—Какие очки? Почему очки? — машинально, поправляя дужку на переносице двумя вытянутыми пальцами, спросила Анна и огляделась.

Вокруг расстилалась залитые солнцем луга с пахучими травами и цветами, рядом бурно шумела молочно-голубая речка, а вдали виднелись заснеженные шапки горных вершин в окружении пушистых елей.

— Где я? — подскочила Анна, роняя очки.

Под ногами у неё шевелились и протягивали ручонки какие-то небольшие существа, одетые в комбинезончики. Наклонившись немного, она разглядела вышитые на их одежде слова «Долина Достижений». Каждый протягивал ей что-то своё. Она не понимала, почему у них в руках платье, сшитое ей когда-то для праздника, шарфик, расписанный батиком. Это же она его расписывала, вон ирисы по краям... Точно это её шарфик. А этот — целую коллекцию кукол-Берегинь протягивает. Это она их скрутила. Со всех сторон к ней тянулись руки, и в каждой было что-то знакомое, созданное ей — пироги, торты, книги, рисунки, да мало ли что ещё там было.

– Надень очки, – услышала она голос Алисы

Сквозь стёкла очков её достижения смотрелись большими, значимыми и все вместе дополняли друг друга. Сердце девушки трепетно забилося, на глаза навернулись слёзы радости – сколько всего она смогла достичь, а сколько ещё впереди.

– Ты опять плачешь? Но почему? – белый пушистик с витрины магазинчика протягивал ей платок, – хотя слёзы не признак слабости, а признак того, что у человека есть душа.

Анна улыбнулась. Она была несколько смущена тем, что совершенно не помнила, как вновь оказалась в крохотном магазине.

– Так-то лучше! – произнёс Кот, – Кто-то мудрый наделил улыбку огромной силой. Порой там, где не решаются проблемы, достаточно улыбнуться, и всё встанет на свои места, – и он вложил девушке в руку маленькие весы, – это Весы Справедливости. Отныне будешь ощущать важность и истинную ценность того, что делаешь. А теперь иди, иди в свой мир Реальности и помни, что жизнь – это чудесное приключение, достойное того, чтобы ради удач терпеть и неудачи, – и он распахнул двери магазинчика.

Дома тонули в мягких объятиях летней ночи. Над голо-
вой роскошным куполом раскинулось звёздное небо, окутан-
ные прозрачным светом, как нежные барышни, томно скло-
нили головки цветы. Анна вдохнула полной грудью напоён-
ный ароматами трав воздух, и прислушался к тишине. В ней
было что-то хрупкое, завораживающее и красивое. Она шла
домой, держа в одной ладони весы, а в другой подвеску с под-
мигивающей ей Алисой, и думала, что быть умной и пытаться
изменить мир хорошо, но лучше стать мудрой и изменить
себя.

Увидев мир с другой стороны, Анна многое поняла и пе-
реоценила. Она просыпается с ощущением того, что мир –
полная чаша и каждый день – это портал в сказку. Знает, что
не стоит плыть по течению и, против – тоже не стоит. Надо
просто плыть к своей цели. Надо перестать верить тому, что
говорят, просто надо наблюдать и чувствовать. А если что-
то не клеится выбросить клей и взять гвозди. Мысли её неж-
но дотронулись до сердца, мурашками пробежали по телу
и превратились в радость, которой можно поделиться с Ми-
ром.

Хозяйка своей жизни

Потертая жизнью электричка ворчит, поскрипывает и медленно везет Надежду туда, где оживают воспоминания, где прошло детство и юность. Вагоны поскрипывают, дергаются, но послушно ползут. Солнце бежит вдогонку, заглядывает в окно и укладывается на сиденье. Ветер треплет волосы, приносит запахи трав и прошлого. Неспешно, с наслаждением Надежда погружается в них.

Старый деревянный дом в почти обезлюдевшей деревушке. Когда-то он казался ей большим, безмерно огромным. Она вспоминает его рождение. В завитках стружек, в запахе свежей побелки, потрескивании дров в печке. Надя закрывает глаза и ей кажется, что вот-вот под ногами завздыхают, заскрипят деревянные половицы, повествуя о прошлом, и она увидит, как на кухне, бабушка стряпает пирог. Стол в муке, тесто липнет к скалке. Зеленый лук прижался к яйцу в ожидании одеяла. Вот-вот на них плюхнется верхний слой теста. Урчит печка, мечтает скорее подрумянить корочку. У Надежды слезятся глаза. От лука или воспоминаний?

– Причудится же такое! – ворчит Надя, пожимая плечами и разглядывая деревянные домики, проплывающие за окном электрички, – почему жизнь сложилась так, а не как-то по-другому? – и мысли поскакали в ином направлении.

Последнее время она часто задавалась этой мыслью. В юности совсем не о такой жизни мечталось. Всё было окутано флёром романтики. Хотелось того и этого. Да и бабушка всегда говорила:

—Фантазёрка ты, внученька, мечтательница. Дар в тебе сказки сочинять, смотри не потеряй его! Он в человеке, как цветочек, а мечты – солнышко. А чтобы дар тот расцвел, да в силу вошёл, ароматами напился – нужно всю жизнь идти

на свет мечты.

Но жизнь свои сказки приготовила для Надежды: романтику приструнила, бытовухой загрузила, да ещё кучей приключений наградила. Не до фантазий стало. Не до сказок с похождениями героев, свой бы квест пройти, выкрутиться. Обгорели крылья души. А вот если бы тогда в молодости пошла по другой тропе, поступила в литературный... Может быть и писателем знаменитым стала или сказочником. Кто теперь скажет?

С лёгким скрежетом электричка замедлила ход и остановилась у перрона полустанка. Огромное поле лохматой травы расположилось справа, а по левую сторону виднелась небольшая рощица, куда уходила почти заросшая тропинка. Надя вышла и вздохнула полной грудью. Воздух здесь был упоительно свежим, наполненным чудесным ароматом полевых цветов и трав. По заросшей знакомой дорожке, она направилась туда, где давным-давно не была.

Женщина шла к своей мечте, которая не давала покоя последнее время, уж очень она хотела побывать в том месте, где родилась и выросла. И откуда давным-давно уехала жить, не представляя себе в то время ситуацию, в которой она сейчас находилась. Никогда не думала, что её малая Родина останется где-то там, на обочине русской истории, забытая

и брошенная. Вскоре она оказалась у первых домов деревни и сердце её сжалось. Она явственно вспомнила, как уходя, именно в этом месте на краю поселения последний раз окинула взглядом родные окрестности, поджала в усмешке губы и зашагала навстречу новой жизни. Медленно скользнула взглядом по утопающим в бурьяне крайним разрушенным временем домам. Прежде, там паслись козы и коровы. Многие держали живность. А сейчас... Надя неспешно двинулась дальше, продвигаясь к середине деревни, где должен был стоять дом, родительский дом, в котором жили воспоминания детства и молодости.

– Здравствуй, дом родной – тихо произнесла женщина, глядя на полуразрушенный, покосившийся и утопающий в высокой траве дом.

Ей показалось, что он с укором и обидой смотрел на неё пустыми глазницами окон, в которых не осталось ни одного целого стекла. Продираясь сквозь бурьян, вымахавший местами по пояс, она ступила на остатки крыльца. Здесь, на этом самом крылечке, они с мамой и сестрёнкой перебирали землянику, чистили грибы. А рядом крутился лохматый пёс по кличке Верный.

Надя зашла в дом, минуя сени, и прикоснулась к стене. Казалось, что она еще источала тепло обжитого дома. Сте-

ны хранили в себе веселый детский смех, шутливый бас отца и радостно-счастливый голос мамы. Даже сквозь время она вдруг почувствовал запах только что пожаренной картошки. Безумно захотелось перенестись в прошлое и поесть прямо из сковородки. Она обошла весь дом, и каждый шаг пронзал память воспоминаниями, что нахлынули неиссякаемым потоком, который невозможно было остановить. Вечерело. Женщина вышла во двор и каждой клеточкой своего тела ощутила безграничную боль пустого дома.

Уходить не хотелось, и по старой скрипучей лестнице, хоть карабкаться было неудобно, она всё же поднялась на чердак. Там пахло временем и пылью. Многие годы никто сюда не заходил, поэтому заброшенный чердак, как и весь дом, был в паутине, а пыли скопилось невероятное количество: она толстым слоем лежала на полу. В дальнем углу под грудой поломанных стульев и вылинявших абажуров стоял огромный, тяжёлый даже на вид старинный сундук. Надя его не помнила и с любопытством, беспрестанно чихая от пыли, раздвигая свисающую паутину, двинулась к нему. Ломая сухие ветви, тяжёлая лестница – та, по которой она только что поднялась, с треском полетела вдоль стены и, подминая лопухи, гулко брякнулась о землю. Надя охнула от неожиданности, не успев даже подумать, как придётся спускаться. Но в следующую минуту готова была завизжать: на неё смотрела довольно крупная мышь долгим, аж до мурашек, взгля-

дом.

– На чердаке можно найти и сокровища, и мусор, – кивнула Мышь, – было бы здорово найти там сокровища, не так ли? Не бойся и ничему не удивляйся!

– Какие сокровища? Если только ветхие тряпки. Что ещё может быть в старом сундуке? – дрожащим голосом произнесла Надя, удивляясь в душе, что разговаривает с Мышью.

Но присела на корточки перед большим, обтянутым потрескавшейся кожей сундуком и попыталась открыть медные, позеленевшие от времени, застёжки. Поначалу они не поддавались, но потом так резко открылись, что женщина отпрянула от испуга. Затаив дыхание, она подняла крышку.

– Интересно, – прошептала она, – а когда этот сундук открывали в последний раз? Сколько лет он простоял всеми забытый?

Она принялась. Содержимое сундука пахло сухими травами, а никак не плесенью. Вещи не отсырели, и Надежда принялась доставать их из сундука, разворачивать и рассматривать. Пиджаки, пальто, меховая шапка, заштопанные рубашки. На самом дне лежало что-то завернутое в розовую бумагу и перевязанное бархатной лентой. Женщина потяну-

лась, чтобы достать свёрток, но, не удержавшись, неожиданно соскользнула, и нелепо брякнулась прямо на дно сундука, запутавшись не то в плаще, не то в каком-то платье. Тут крышка мелодично звякнула, захлопываясь, и Надежда оказалась в темноте. От изумления она раскрыла рот, и выпустила глаза.

– Ну и как выбираться будешь? – ехидно спросила Мышь, – просто так отсюда не уйти.

– Как, как... – ты заманила, ты и вызволяй!

– Ещё чего, – затряслась Мышь в приступе смеха, – остановить женское любопытство не под силу даже танку. Ну да ладно, слушай совет первый – ищи пряжу.

– Какую еще пряжу? Да и не кошка я, в темноте не вижу, – вздохнула Надежда, вновь думая про себя, что у неё, видимо, крыша едет – с Мышью беседовать.

– Руки-то у тебя есть, нащупаешь, коли захочешь.

Надежда начала шарить по дну сундука. В первую очередь она сунула свертки подмышку, чтоб не потерять. А потом, обшаривая каждый уголок, наткнулась на пряжу, мягкую, пушистую, но сильно запутанную.

– И куда мне эту пряжу теперь?

– Распутывай, да в клубок сматывай, куда ж ещё? – удивилась Мышь.

– Но ведь..., – открыла, было, рот женщина и осеклась, ища конец нити.

Из глаз закапали слёзы. Ей почему-то сразу вспомнилась своя запутанная жизнь, где переплеталось хорошее и не очень, плохое и ужасное.

– Поплачь, конечно, пусть всё, что на душе накопилось, отвалится, – ткнула её носом Мышка.

Надежда погладила серую шёрстку и начала сматывать клубок. Нить путалась, сминалась, местами походила на жёваную мочалку, но всё же дело продвигалось, и вскоре клубок был готов.

– А теперь вспомни, – обратилась Мышь к женщине, – как ты выходишь из трудной ситуации.

– Да по-разному. Смотря, какая ситуация.

– Но ведь что-то общее есть в твоих действиях? – настаивала Мышь.

– Ну я обнимаю кого-нибудь из родных и говорю, что любая ситуация всегда оборачивается в мою пользу.

– Раз родных рядом нет, обними меня и говори что там надо!

Надежда погладила мышь, приобняла и произнесла заветные слова. В тот же миг вспыхнул свет, и Надежда со свертком подмышкой, клубком в одной руке и Мышью в другой, оказались в огромном зале. В глубине мерцала огнями высокая ель с множеством украшений. Хлопушки и шары, бусы и серпантин, различные фигурки и конфеты – чего только там не было. Каждое украшение – произведение искусства.

– Разве сегодня Новый год? – изумилась Надя.

– Новое приходит в твою жизнь, засмеялась Мышь, выби-рай украшения! Только помни, каждое из них что-то значит для тебя.

Женщина принялась возбужденно снимать с ёлки шары, набивая ими карманы, а когда они перестали помещаться, то в подол платья. Неожиданно, откуда ни возьмись, нале-

тел порыв ветра. Двери в зал захлопнулись, погасли свечи, и убранство со стен полетело на пол. Не то ветер, не то сама ель голосом, отдающим эхом произнесла:

– Выйти отсюда сможешь лишь тогда, когда объяснишь, зачем и почему именно эти шары взяла!

Надежда попыталась сказать, что шары такие шикарные, что очень понравились ей. Уже приоткрыла рот, но приглядевшись, заметила, что в каждом шаре, что лежит у нее в карманах и подоле, прокручивается живая картинка. В одних – кто-то занимается уборкой, готовит, играет с детьми, читает, спит, гуляет. В других шарах просто природа – плещется море, шумит лес, река подпрыгивает по камням, степь, покрытая ковылём, а людей рядом нет. В третьих шарах при ближайшем рассмотрении видны яркие таблички с надписями: ложь, наглость, зависть, лицемерие. Когда брала их – казались привлекательными, а присмотрелась – пшик. А ведь ей важно понять и объяснить, что в этих действиях важного и значимого именно для неё. Она торопливо начала перебирать шары, выбирая те, что ценны ей. Вот в одном из шаров семья за столом, в другом – река в утреннем тумане, в третьем дети играют возле дома... Шары сияют, сверкают, переливаются всеми цветами радуги. Мышь от радости верещит и кружится, а клубок в нетерпении подпрыгивает, будто резиновый мяч. Те шары, что Надежда ото-

двигает в сторону, тут же рассыпаются серой пылью.

– Какая прелесть, – восхищается женщина, радостно хлопая в ладоши и роняя свёрток, взятый из сундука.

Тот с глухим чмоканьем падает на пол и из него появляется пухлая потрепанная тетрадь в зелёной обложке.

– Ну и сокровище я прихватила, – засмеялась Надежда, осторожно беря тетрадь в руки и бережно перелистывая страницы.

На самой первой золотыми буквами было выведено:

Непростым путем идешь,
Дары и радость обретешь.
Ну а коли промахнёшься,
Или где-нибудь сольёшься, —
Ничего ты не дождёшься,
И, конечно, не добьёшься.

А дальше шли разные рисунки, карты, инструкции, какие-то тексты. В самом конце сохранилось несколько чистых страниц, а между ними было вложено перо.

– Ну и раритет, – засмеялась Надя, но повертев перо в ру-

ках, поняла, что это ручка, — мне писать что-то надо? — обратилась она к Мыши.

— А как ты думаешь?

После некоторых раздумий женщина принялась записывать на бумагу всё, что считала важным: не терять себя, дружная семья, здоровье близких, уют и спокойствие в доме, надёжное плечо рядом, жить без оглядки на чьё-то мнение, быть с теми, кто дорог и с кем интересно, создавать любовью красоту вокруг. Не судить, не навязывать свою точку зрения, не тратить время зря. С каждым написанным словом удивительные шарики начали уменьшаться в размере, пока не стали крохотными бусинами. А Надя торопилась, зачеркивала, снова писала, а после перечитала вслух и довольно улыбнулась. И как только она прочла последнее слово, вспыхнул яркий свет. Двери зала распахнулись. Довольный клубок покажется вперёд, и Надежда шагнула следом.

Редкие белоснежные облака оттеняли купоросную синеву высокого неба. Ветра не было. Солнце ласковым светом заливало укромную лесную поляну, окружённую кустами цветущей жимолости. Метёлки мятлика щекотали ноги.

Крохотная пушинка влетела Надежде в щеку и полетела дальше. Что-то необычное насторожило женщину, и она

огляделась: лучи света натянулись между стволами сосен, слово нити. Видимо лес прядёт свою жизнь. В белых зонтиках травы мелькают бабочки. Из зарослей любопытно выглядывает заяц. По травинке ползет рыжая гусеница в пуховом пальто. Только как-то странно растут купавки. Какими-то кругами. Она вспомнила, как в детстве таскала домой целые охапки этих цветов, и они стоял по всему дому. Забралась в центр и хотела, было, собрать букет, но цветочные круги вдруг повели хороводы и над ними вихрем закружились разноцветные искры. Над поляной зазвучали голоса, смех, аплодисменты. Надежда замерла в недоумении и испуге, не понимая, что происходит. Вроде и нет никого рядом, уж не сходит ли она с ума?

Мышь, глядя на неё, расхохоталась и принялась объяснять, что к чему:

– Каждый круг – это твоё племя: семья, друзья, коллеги, соседи, знакомые. Те с кем ты идёшь по жизни, общаешься, взаимодействуешь, на кого повлиять можешь.

– Это на стольких людей я влиять могу? – удивилась женщина.

– Кто-то и на весь мир может. Видишь первый круг – семья, а седьмой это мир, будущее всего человечества.

– Ну, на будущее всего человечество я не смогу, а вот на других... – с плохо скрываемой гордостью Надежда показала на хороводы цветов.

На её руках зазвенели браслеты из тех самых шаров, что стали бусинами. Один под стать, магии воды, словно обтекал её запястье, другой переливался маленькими огоньками и звенел колокольчиком, третий завораживал своими белыми лепестками, еще один был в форме бутонов роз красных, чайных, белых. А пятый вычурный, плетёный напоминал ящерицу. Надежда смотрела на концентрические круги, и ей вспомнилось, как ещё ребёнком она чистила лук, обливаясь слезами, а бабушка, показывая его на разрезе, сказала:

– Смотри, внученька, и запоминай, как природа упаковывает и сохраняет ресурсы, давая растению всё необходимое для выживания.

К чему вдруг сейчас вспомнилось это? Наверное, моё племя сохраняет, влияет на меня, а я на него... Ведь природа едина, она просто расписывает всё понятным языком восприятия.

– Ну что, мечтательница, нам пора, – Мышь дёрнула за подол платья задумавшуюся женщину.

На откуда-то взявшейся тропке уже нетерпеливо подпрыгивал клубок, поджидая остальных. Долго ли коротко шагали путешественники, и тенистый лесок остался позади. И тропинка уже выётся между подсолнухов. Огромные солнышки со всех сторон приветливо свешивают головы, как бы приветствуя путников. Но вот на пути лежит спиленная сосна, она покоится на траве, словно расчлененный крокодил. В глазах дерева застыл предсмертный ужас. Разлохмаченная кора напоминает вздыбившуюся кожу, из ран сочится прозрачная смола. Надежда остановившись, прижимается спиной к поверженному дереву и, возведя руки вверх, что-то бормочет себе под нос. Потом устало садится на траву и на уговоры Мыши, что осталось идти совсем чуть-чуть, мотает головой.

– Я устала. Очень устала...

– Квест по тайным тропам приведёт тебя в живой чуткий мир, что искрится юмором, восторгом и упоением. Заставит улыбаться и делиться радостью, – подбадривает Мышь.

Из последних сил женщина поднимается и бредёт, уже не разбирая дороги, за клубком и Мышью. Бесконечный, как ей казалось, горизонт заполнялся время от времени то берёзовой рощей, то сосновыми лесочками с болотцами. Но вот

посреди теплого зеленого, пронизанного солнечными лучами, леса первозданного, нетронутого, сквозь зелёные заросли, они увидели поток, который легко и весело перепрыгивал каждый камушек, сверкая, словно убегающий заяц, пятнами. Время от времени вода в нём расцветчивалась цветами радуги в солнечных лучах. Рядом на колышке висела небольшая табличка «Источник Энергии».

Надежда хотела подойти ближе, умыться и попить, но не смогла. Мощные заросли борщевика не давали ни малейшего шанса.

– Что не получается подобраться с налёту? – откуда-то вынырнула Хранительница Источника – женщина небольшого роста в платье, сшитом из серебра, или может из лунного света, настолько оно было изысканным и простым, но в то же время оттеняло лик этой женщины, – этот ключ питает корни деревьев всей округи. Он животворящий. Вот, именно так: живо творящий, потому что рождает звуки, краски и возвращает лес. А ещё даёт энергию!

– Но как добраться до воды? – нахмурилась Надежда.

– А ты подумай! Непростым путем идешь, дары и радость обретешь. Ну а коли промахнёшься, ничего ты не дождёшься. Али ты не волшебница? – и она скрылась так же незаметно.

но как появилась.

От мыслей о том, что все зря, что весь её длинный путь летит в тартарары, Надежде хотелось плакать. Она села под кустом орешника и стала приговаривать: «Вода-водичка, Луне добрая сестричка! Дай к тебе пробраться, силой напиться!» Потом лихорадочно начала листать тетрадь. Глаза её забегали по страницам, радостно заблестели, но тут же потухли.

– Ну что опять не так? – подошла Мышь, – нашла что-нибудь?

– Да вот, овцы или козы помочь могут, но где их взять?

Мышь ничего не сказала, а просто исчезла. Через какое-то время перед Надеждой стояла пара овец и пять коз.

– Показывай помощникам фронт работ, – засмеялась Мышь.

Вскоре от зарослей борщевика не осталось никаких следов, и довольные животные подошли к ручью. Надежда бросилась следом. Она наклонилась к ручью, набрала полную ладонь воды и в таком же положении поднесла её ко рту. Вода в роднике оказалась восхитительно прохладной, свежей

и прямо-таки атласной на ощупь. Хранительница Источника, вновь вышедшая к ним, радостно промолвила

– Ну вот, справились! Молодцы! – и обращаясь к Надежде, сказала, – искупайся в ключе, напитайся энергией и помни, что жить, когда в тебе энергия почти нет – тяжело. Я подарю тебе Волшебный Кристалл, – и она протянула небольшую изумрудную подвеску, – когда он начинает терять цвет, находи источники энергии для себя. Ну а если он становится красным, то беда, значит, ты осталась без сил.

Попрощавшись и поблагодарив Хранительницу, путники двинулись дальше. Надежда шла и рассуждала :

– Интересно, если устала, но счастлива, то растратила энергию или наполнилась?

Мышь ухмылялась и качала головой, а клубок вскоре остановился у задней стороны большого добротного деревянного дома, на крыше которого восседала вырезанная из дерева жаба. Толкнув неказистую дверь, Надя оказалась в просторной старинной кухне. Там, несмотря на жару на улице, было прохладно и очень тихо, у потухшего очага спал большой серый кот, видимо настолько старый, что даже не пошевелился от разговоров. Помещение напоминало остров сокровищ, Чего здесь только не было: длинные пал-

ки с какими-то лучеобразными наконечниками, деревянная лопата, кочерга на длинной палке, квашня для теста, горшки и чугуны, несколько серебряных блюд, бронзовый таз и апофеозом современный миксер и электрочайник. С потолка свешивались пучки разных трав, связки чеснока и сушёных яблок. На полках и в буфете теснились разные склянки, пакеты, мешочки. Надежда вопросительно посмотрела на Мышь и та торжественно произнесла:

– Ты должна сварить эликсир Жизнестойкости.

– Чего должна? Кому должна? Какой эликсир? – подпрыгнула от неожиданности Надя, – я, что ведьма зелья разные варить?

– Суп варишь, компот варишь, ну и эликсир сумеешь, – буднично ответила Мышь и двинулась к двери, – и не ори, кота разбудишь, а мне это ни к чему.

– Зелье не компот, яблоками не обойдёшься. Что класть хоть научи! – заныла Надежда.

– Тетрадь то у тебя зачем? Читай! – стоя уже на пороге проворчала Мышь, – помни только, без эликсира домой не вернешься! Здесь останешься навсегда! – и исчезла, тихонько прикрывая дверь, клубок выскользнул следом.

Надежда спешно схватила за тетрадь и начала листать страницы, пробегая глазами несколько абзацев тут и там, и в какой-то момент наткнулась на рецепт, где говорилось о способностях к выживанию, ценностях, племени и энергии.

– Вот, вот он, нужный рецепт, – бормотала она, – ища глазами необходимые ингредиенты.

Подошла к очагу, запалила огонь и, доставая чугунок, начала перечислять:

8 листиков шиповника

Шепотка толченой коры столетнего дуба

21 лепесток сирени

Веточка ракутника

21 каплю берёзового сока

17 слезинок

2 морковки

0,5 литра козьего молока и 0,5 литра колодезной воды

Большую ложку мёда

*Когда всё закипит, перемешать и бросить в варево 16 бу-
син с браслетов*

Варить 1 час, непрерывно помешивая.

Когда остынет окупать туда 12 раз кристалл.

Перелить всё в синий флакон и 9 раз обнять его, периодически взбалтывая. Употреблять на рассвете по 13 капель.

Пока отыскивала нужные ингредиенты, задумалась, где взять 17 слёз? Плакать ей не хотелось, она улыбнулась и решила положить смешинки.

– Кашу маслом не испортишь, – вспомнила давно слышанную поговорку и добавила, – смех лучшее лекарство.

Процесс зельеварения затянулся. Проснувшийся кот потребовал молоко, и пришлось с ним поделиться, а в эликсир добавить отвар овса, а вместо раkitника, который Надежда нигде не обнаружила положить плющ. Она привыкла к импровизации в приготовлении пищи, но эти замены её немного смущали. На вкус не повлияет, однозначно, а вот на качество волшебства – неизвестно.

Так или иначе, эликсир был готов, перелит в синий вычурный флакон с притертой пробкой. Надя прижала флакон к груди, и обняла его 9 раз, как было велено. На секунду она закрыла глаза и еле слышно прошептала: «Хочу открыть глаза и оказаться дома в горячей ванне с чашкой огненного кофе в руках». Женщина открыла глаза и поняла, что стоит возле своего дома. Купаясь в лучах алого заката, она подставила лицо теплу уходящего дня. Впитывая каждой клеточ-

кой тела магию сгущающихся сумерек, она призвала на помощь мудрость Вселенной и энергию природы.

— Всё-таки, видимо, немного нахимичила со сменой ингредиентов, раз оказалась не совсем там, где хотела, —, засмеялась она.

Но наедине с небом, лавочкой, вечереющим последождем и птичьими трелями над головой, ей было ничуть не хуже, чем в горячей ванне. Она держала в руках пухлую старую тетрадь и вспоминала свои приключения. Ей вновь вспомнились бабушкины слова:

— Фантазёрка ты, внученька, мечтательница. Дар в тебе сказки сочинять, смотри не потеряй его! Он в человеке, как цветочек, а мечты — солнышко. А чтобы дар тот расцвел, да в силу вошёл, ароматами напился — нужно всю жизнь идти на свет мечты.

— А что если попробовать? — подумала Надежда и лукаво улыбнулась.

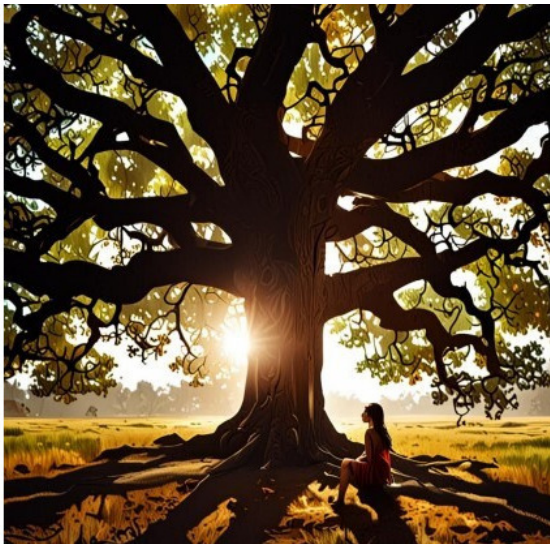
Вскоре рукопись была готова. Немного посомневавшись и, не слушая увещевания родных, она отправила её в несколько издательств. Время ожидания тянулось долго. Ведь ждать и догонять — это то ещё занятие. Но издатель-

ства откликнулись, что берут её рукопись в работу, и даже пригласили на заключение договора. Известие это породило в ней смешанное чувство радости и беспокойства.

– А вдруг не получится? А вдруг вернут, да ещё отругают?

Но она пила по утрам эликсир из синей бутылки, листала старую тетрадь и напившись энергией, продолжала писать свои чудные сказки и они стали разлетаться, как горячие пирожки. Радости её не было предела.

Благословение Рода

Шурочка могла подолгу стоять на берегу, смотреть на окружающую природу или слушать шум ветра. Ласковые тёплые волны, нагретые солнцем камни, чистый воздух, который так приятно вдыхать полной грудью – все это делало её умиротворенной. Изю дня в день она приходила сюда набраться сил, смотрела на голубую гладь вод в окаймлении холмов, слушала крики чаек. А пенистые волны бились о берег всё ближе и ближе к её ногам, словно хотели схватить её

и утащить к себе.

Дома же, она чувствовала, что сковывает ее что-то по рукам и ногам, сердце сжимается ледяным комом или скачет зайцем. Она вглядывалась в собственную жизнь, даже не жизнь, а повторение судьбы матери и бабушки и ей становилось не по себе. Неужели она будет также болеть, ворчать, всю жизнь подавлять свои амбиции и цели? Ведь в семье родителей все жили средне, не высывались и выскочек не любили. Может время такое было – лишнее слово не скажи, может, привычка. Да и потом, уже в своей семье муж подсмеивался: «Со свиным рылом, да в калашный ряд».

Ей вспомнилось, как в детстве её всё время одергивали, говоря: «Всяк сверчок знай свой шесток», а когда спрашивала почему так или эдак, то добавляли: «Не в свои сани не садись». Не очень понимая почему, она на слово верила старшим, ведь они учили жить. Бабушка никогда не говорила о своих чувствах, она скрывала своё происхождение, мало рассказывала о жизни, загадочно улыбалась и пела Шурочке песенки про кота. Все свои тайны она унесла с собой в могилу, но это только на первый взгляд. Эти самые тайны и непрожитые чувства перешли по наследству Шурочке, а она, возможно, передала их своим детям. Потому как привыкла, вроде так и надо, так все живут.

Но что – то сломалось внутри, и стала Шурочка все чаще тосковать о свободе, о чем-то неведомо прекрасном, что собственной, именно собственной, жизнью зовется. Вот и сегодня допоздна женщина слушала перешептывания ветра, а потом любовалась танцем звёзд в синеве небосклона, отпуская мысли в свободный полёт и перебирая аккорды мелодий судеб, судеб родных и близких.

– Видимо, сегодня ничего дельного в голову так и не придёт, – подумала она, заходя домой, – завтра подумаю.

Напряжение дало себя знать. Шурочка обреченно зевнула и, задремала под нежные соловьиные трели, люющиеся в приоткрытое окно.

Шурочка спешила на самолет. В одной руке держала билет в один конец с неразборчиво вписанным там пунктом назначения, а в другой сжимала ручку огромного чемодана на колёсиках. В этом чемодане было самое ценное, без чего она не мыслила себя. «Пип — пип...!» – жалобно всхлипнул индикатор над багажной лентой у стойки регистрации.

– Перевес, – равнодушно объявил дежурный, – принять на борт ваш багаж не представляется возможным.

– Я доплачу! – занервничала Шурочка.

— Вот все вы так, доплачу, доплачу... Кирпичи что ли везёте?

Доплатив, Шурочка сломя голову поскакала к трапу. Ещё чего не хватало, чтоб каждый интересовался, что у неё в чемодане. Да у неё там вся жизнь. Рабочий в оранжевом комбинезоне помог поднять на борт багаж, и проводил взглядом женщину, которая даже не обернулась. Шурочке показалось, что полёт был недолгим, и мягкое приземление её порадовало, но потом самолёт резко завихлял и выкатился к тропе. Единственная пассажирка спустилась по трапу, ухватила свой багаж и двинулась по тропинке, которая уверенно повела её через поле. Нырнула в берёзовую рощу и заспешила дальше. Шурочка огляделась. Вековые горы в синих шапках за рекой издали приветствовали её. Вокруг такая красота и покой. Только на душе у Шурочки как-то тревожно, потому и поспешила она на Поляну заветную, в Лес Зачарованный. В ушах жалобно вздохнул ветер, в груди громко ухнуло сердце. Рядом с ней стало твориться что-то невообразимое: птахи то испуганно гомонили, то так же настороженно молчали. То с одной стороны, то с другой проносились серые тени бегущих волков. В высоком небе среди рваных серых облаков носились большие птицы, похожие на драконов, оглашая небо тревожными криками.

– Чуден Лес, – Шурочка решительно двинулась вперёд по какой-то ей одной ведомой тропе, лишь вздохнув, – кого и чего только нет здесь,

Неожиданно она оказалась внутри облака тумана. Влага появилась на лице, плечах, под ногами, в чашечке каждого листика и на каждой веточке. В этой белёсой смеси, такой густой и такой неосязаемой разом, спрятались деревья, и едва приметная тропа. Через несколько минут туман побежал вперед, подталкивая её. Шурочка еле выбралась из молочного облака, а оно устроилось на макушке сосны, разложив свои причудливые юбки, аккуратно расправив их и наблюдая за путницей.

Долго ли коротко плутала женщина по лесу, но, в конце концов, оказалась на краю большой поляны, опоясанной хвойным лесом. В центре – огромный многолетний дуб, окружённый большими валунами. Где-то в глубине души Шурочка поняла, что она на месте, что это Заповедная Поляна, и что этот дуб – Древо её Рода. В центре круга, образованного валунами вдруг вспыхнул небольшой костёр и появился седовласый Старец. Женщина почувствовала зов и двинулась к кругу. Немного не дойдя до границы, остановилась.

– Ты одна из нас, Александра, – не то утверждая, не то вопрошая молвил Старец, – за помощью пришла, и жестом

пригласил к костру.

Маленький огонёк вспыхнул и запылал ярче. Камни, окутанные полупрозрачной дымкой, превратились в кресла. В них восседали нарядно одетые мужчины и женщины – Хранители Рода. Под дубом самое большое кресло пустовало. Седовласый Старец, с мудрыми глазами и мощной фигурой, что встретил её, прошёл к нему и сел. Шурочка тихо направилась следом, и её тотчас заметили, ей улыбнулись. Хранителей было 14 – 7 по правую руку от Старейшины и 7 по левую. Одно кресло пустовало, видимо для неё. Она осторожно подошла к нему, провела рукой по шершавой поверхности камня, и пальцы сразу начало покалывать. Тепло побежало от руки по всему телу. Ей показалось, что это не кресло, а трон, в котором ощущается Сила – Сила Рода. Шурочка устроилась на этом величественном месте, закрыла глаза.

– Зачем пришла, мы знаем, но знаешь ли ты? – строго глядя на неё, спросил Старейшина.

Шурочка испуганно вжалась в кресло.

– Для чего ты таскаешь эти кирпичи? Как же ты так не жалеешь-то себя? – продолжил он.

— Там вся моя жизнь! Все самое ценное и дорогое. Все, без чего меня нет... Я даже не представляю, что можно отсюда выложить, и где-то оставить, — Шурочка горестно вздохнула.

— Открывай, — эхом откликнулись Хранители.

Шурочка щёлкнула замками, подняла крышку и погладила рукой содержимое. Огромные камни заполняли всё нутро чемодана. Серебристые, голубые, розовые и даже чёрные, они горделиво сверкали боками, словно, говоря:

— Вот мы какие, ценные — драгоценные, красивые — прекрасные, хозяйке нужные!

— Да уж, самое то, с собой таскать, — проворчал Хранитель справа.

Старец строго взглянул на него и, указав на потемневший от времени, немного замшелый камень, велел отнести его к костру.

— Это же устои в семье, — самоуверенно воскликнула Шурочка, — верность порядкам, поступкам и проступкам, правилам и запретам.

– Вот-вот, так устоялось всё, что мхом обросло.

Один из Хранителей взял розовый камень с пузырями и поднял его вверх, тот засветился и детским тоненьким голоском пропищал: «Мамочка, я так тебя люблю! Я, как и ты, тоже буду ничего не успевать и все делать в последний момент». Голубой камень в полоску басил о том, что нельзя плакать, потому что это некрасиво. А черный вопил, что надо быть лучше других, сочувствовать и переживать за всех. Камни шевелились, верещали на разные голоса, создавая шум.

– Вот они твои устои – повторение судеб родителей, бабушек и дедушек. Что хорошего в этом? Надо жить своей жизнью, иметь своё мнение, заботиться о себе и знать цену. Разве ты хочешь идти маминой дорогой или бабушкиной? Неужели ты об этом не задумывалась?

– Я не буду повторять ничью судьбу, согласно закивала головой женщина, – буду жить по-своему, искать новые пути.

Шурочка почувствовала, как сквозь неё от каждого их Хранителей потёк золотой поток. Он пропитывал её всю и сливался с пламенем костра. Над огнем появился тонкий золотистый обруч и двинулся по воздуху к первому слева Хранителю. Шурочка почувствовала зов: «Подойди, Чару-

ша!»

– Твоё истинное имя – Чаруша. Его знать должны только ты и Род, – сказал Хранитель Шурочке, преклонившей перед ним колени, и, словно венец, надел ей на голову обруч-диадему со словами, – имя одно. В любом другом Роде тебя примут по истинному имени. Оно не меняется никогда, какие бы посвящения ты не получила в последствии. Это не прозвище. Обретя истинное имя, его не потеряешь. Забыть его, конечно, можно, но Род все равно будет его помнить. Имя – это ключ к памяти твоего Рода. Ты одна из нас! Помни, кто ты есть!

С этими словами он снял обруч и передал следующему Хранителю. Идя по кругу, Шурочка получила от каждого Хранителя Благословение и Дар. Она кланялась, принимая ту Силу и Любовь, что приходили к ней. Когда диадема попала к Старейшине, он посмотрел прямо в глаза женщине. Любовь переполнила Шурочку, и она услышала:

—Ты наша! Проси чего хочешь, Чаруша, – хоть золота мешок, хоть лучшего жеребца, хоть коров стадо. Только храни всегда внутри тепло и любовь. Помни, кто ты есть!

Старейшина надел на её голову диадему-обруч и выжидающе посмотрел в глаза. Все золотые лучи вновь сосредото-

чилились на Шурочке. Та задумалась. О чём можно просить Род? Ведь ей дали столько любви и силы, что она готова горы свернуть.

– Ну, горы не трогай, пусть себе стоят, – засмеялся Старейшина, словно читая её мысли, для себя желай что-нибудь, Чаруша, для своей собственной жизни.

Шурочка улыбнулась, ей не нужны коровы и жеребцы, и мешок золота ни к чему, пусть будет лад в семье, здоровье, достаток. Пусть не прерывается связь с Родом, ей ведь так хочется узнать истоки, истории предков и написать об этом для потомков. Хранители согласно кивнули и вынесли на поляну огромный сундук. Старейшина легко откинул крышку, и Шурочка на мгновение ослепла от света, что излучал огненный шар, лежащий внутри.

—Так выглядит наше Благословение, – говорит Старейшина, – Видишь, это просто Свет, чистая энергия. Из неё уже создаются покровы и события. Мы запечатаем слова Благословения в твоём разуме и твоём сердце. Душа их уже давно знает. Встань, Чаруша, подойди ближе к шару и закрой глаза.

Шурочка приблизилась к огненному шару и закрыла глаза. Она не знала, не ощущала, сколько времени простояла так, Перед её внутренним взором шар мерцал и светился,

будто в нём отражались лучи солнца. Шурочку окружили, множество людей, в красивых одеждах и пошли хороводом, создавая Обережный круг. Глаза их были закрыты, но движения точны и грациозны. Они пели ей своё благословение: «Род надо чтить и уважать, традиции, конечно, соблюдать. Вниманьем никого не обделять, поляну Родовую навещать. Своею жизнью нужно жить, а путы, что мешают, просто распустить».

Когда Шурочка наконец-то открыла глаза, костёр погас, и Хранители исчезли, кресла превратились в валуны. А она сидела на одном из этих валунов под бескрайней завораживающей глубиной чёрной бездны, усыпанной мириадами светлячков-звезд. На голове у неё обруч-диадема, а на руках браслеты из перламутровых жемчужин. Она подошла к дубу, поклонилась ему и прижалась, ощущая шершавый ствол. Ветви, напитанные Любовью, обняли Шурочку и она услышала их шелест: «Ты можешь приходить к нам за Силой, Помощью и Благословением, когда тебе будет это нужно. Помни, кто ты есть».

В приоткрытое окно проник свежий воздух и, не находя препятствия, сквозняком прогулялся по комнате. Неистовый птичий щебет ворвался следом и заставил Шурочку открыть глаза. Золотые лучи утреннего солнца ласково прокрались по подушке, маня за собой. Просыпаться Шурочке

совсем не хотелось, такой чудный сон был. От воспоминаний голова пошла кругом, что-то ёкнуло и сжалось в груди. Хранители. Поляна. Костёр. Что это было? Её рука потянулась за стаканом воды, и она жадно сделала большой глоток. Поднялась с постели, накинула халат, сунула ноги в тапки, и подошла к кофеварке. Повернувшись, взглянула в зеркало и обомлела. Ей показалось, что там отражается какая-то женщина. Нет, глаза её, Шурочкины, подбородок, волосы тоже её. Но на голове возвышался обруч-диадема. Да и такого шикарного платья у Шурочки никогда не было. Взгляд зацепился за браслеты из крупных жемчужин на запястье. Шурочка перевела взгляд на свои руки, держащие пустой стакан – браслетов не было. Она потрясла головой, ущипнула себя за бедро – сон что ли? Кто ж там в зеркале?

– Ты одна из нас, Чаруша! – звонко засмеялось отражение, – Помни, кто ты есть!

Шурочка подошла к зеркалу ближе, потрогала его серебристую поверхность. Там отражалась она, Шурочка. Немного лохматая после сна, в халате и тапочках.

– Совсем крыша поехала, привидится же такое, – махнула рукой и двинулась на кухню.

Возле кофеварки лежала та самая диадема из сна. Шу-

рочка схватила её и прижала к щеке. Ощутила тепло костра и слышала шёпот:

– Храни всегда внутри тепло и любовь. Помни, кто ты есть!

– Голос предков, – воскликнула она, – так это был не сон?!

Её семья часто собирается вместе. Они перебирают старые фотографии, вспоминая бабушек, дедушек, тетушек. Отыскились родственники, о которых Шурочка даже не подозревала. Она побывала в Сибири и на Дальнем Востоке, где жили прадеды, прошла по тем местам, где могла ступить их нога, узнала много интересного о тех временах и теперь собирая всё это вместе, хочет сделать летопись Рода. И в семье у неё с благословения Рода все здоровы, дружны и живут в мире, согласии и достатке.

Путешествие на ту сторону

День молча погружался в бездонные сумерки. Облака, словно седоватые кудри на чьей-то голове, расплзлись по темнеющей глади небес, а огромный глаз луны, как надсмотрщик, лениво взирал из корявой глазницы:

– Все на месте в Королевстве? Все идёт чередом?

В распахнутые окна покоев заползли душный аромат ту-

берозы, рулады лягушачьего хора и переливы соловья. Незаметно подкрадывалась ночь. Обычно красота таких моментов околдовывала Её Величество, уносила в воспоминания, подбрасывала новые мысли. Но сегодня Королева просто печально побрела к конюшне. Главный конюший, молча, поклонился и потёр свой красный нос, похожий на свёклу.

– Ну и вонь у тебя здесь, – повела носом Королева, – подготовь мне гнедую, немедленно! И чтобы когда я вернусь, здесь пахло розами! Ро – за – ми, – произнесла она по слогам.

– Куда направляетесь, Ваше Высочество, на ночь глядя? – конюший отвязал невзрачную кобылицу и подвёл к Королеве.

– Не твоё дело! Ступай, порядок наводи!

Королева ловко вскочила в седло и ударила кобылу под бока кожаными сапожками. Лошадь, удивлённо заржав и ударив копытом, обернулась и смирila её надменным взглядом, а затем грациозно пошла меж деревьями. Королева, еще в детстве, будучи любопытным ребёнком, исследовала окрестные леса и поля и знала тут каждую тропинку, каждое дерево. Вот и сегодня все было как обычно – шагом, рысью... Что произошло, Королева не поняла, но вдруг кобыла рванула в карьер. Прохладный ночной воздух бил в лицо,

деревья слились в единую зеленую полосу. Разгорячённая кобыла летела над дорогой, как птица, едва касаясь копытами земли, но вдруг споткнулась и всадница, не удержавшись в седле, рухнула на землю. Казалось, прошла вечность, когда она смогла наконец-то открыть глаза. И поняла лишь одно, что находится в незнакомом и странном месте у ручья. Лошадь стояла неподвижно, расплескав гриву по воде, глядя искоса на свою наездницу.

– Очевидно, мне нужна новая кобыла, – в голосе Королевы слышалась не только обида, но и сожаление, – с тобой мы давно и понимаю, тебе тяжело это слышать. Но ночные прогулки и дальние поездки утомляют тебя. Только я не могу позволить себе такие траты, в казне почти нет денег, и казначей вряд ли согласится на такую покупку.

Во дворец они добрались, когда солнце уже вставало, и прохладный воздух заставлял ёжиться. Слуга принял лошадь, и повел вниз на конюшни. А Королева взошла на крыльцо и исчезла за резной дверью. Прошла в спальню и присела подле трёх свечей, бросавшие яркие отблески на роскошную постель, однако пока не собиралась отдыхать, ей не давали покоя предстоящие траты: столько всего надо, а тут ещё и кобыла подвела. Вскоре её привлёк какой-то шум во дворе, и она подошла к зашторенному окну. Сдвинув занавеску, увидела как во двор въехала блестящая

белая карета, запряжённая лоснящимися белыми, в тон экипажу, лошадами в пополах с золотой отделкой. Позади ехал султан на великолепном жеребце в турецкой сбруе, узорчатом чепраке с кисточками и короткими стремянами.

– Хороший арабский жеребец может бежать рысью от заката до рассвета, – подумала Королева, – мне срочно нужен такой жеребец, желательно из конюшни султана! Он знает в них толк! Ну почему содержание Королевства вылетает мне в копеечку, и я не могу позволить себе, то чего просит душа? Боже, как непросто быть Королевой!

Она подошла к зеркалу, поправила волосы, припудрила носик и хотела, было, выйти к прибывшим гостям, но взгляд задержался на шкатулке красного дерева с инкрустацией под чёрное серебро, которую ещё вчера доставил курьер, а она не удосужилась открыть до вечерней прогулки. Повертев в руках и попытавшись открыть шкатулку, которая, конечно, не поддавалась без ключа, отложила в сторону и вышла к гостям. Торжественный приём, обед, пышная церемония с чаем отвлекли её от мыслей о белоснежном арабском скакуне и странной шкатулке. Но вечером вернулись назад и не давали покоя, вновь и вновь возвращая к тому, что она не может позволить себе желаемое.

Войдя в покои, Королева осторожно взяла шкатулку и к её

удивлению она тотчас открылась. На бархатной полоске лежал золотой кулон в виде звезды с изображением бутона белой розы в центре и записка, где мелким почерком было выведено: «Твоя сказка начинается тут» и нарисован дуб. А ниже более крупно написано: «Мы хотим то, что хотим».

– Странно! – занервничала Королева и на её щеках даже проступили красные пятна, – кто прислал мне эту нелепую записку? Какая ещё сказка начинается?! Что я дитё неразумное?! А кулон ничего, симпатичный, – молвила она, надевая на шею тонкую золотую цепочку.

– Вот и славно, начинаем путешествие.

– Переутомилась я что-то, уже мерещится ерунда всякая, – проворчала Королева, услышав эти слова, даже от неожиданности присела, и огляделась. Рядом никого не было. Но её насторожило то, что кулон начал вдруг светиться и роза на нем раскрывать лепестки.

– Ты активировала, – тот же менторский голос из шкатулки продолжал, – игру. Делай первый ход, иначе будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

– Какая игра, какой ход? Ничего не понимаю, – продолжала нервничать Королева.

— Твоя сказка начинается и она не должна застрять на первом же шаге. Вперёд, моя Королева!

Поток воздуха подхватил её и завертел с такой силой, что у той перехватило дыхание, и вот уже темное небо раскинулось над её головой. Упругий ветер несёт ароматы полыни и шалфея, а земля, покрытая изумрудной травой, мягко пружинит под копытами рыжего мустанга, на котором мчится отважная всадница.

— Ех-ха! » — выдохнула она, — неси, брат, — и, наклонившись, прижалась к горячей шее коня, — лети, конь! Лети!

И только ветер засвистел в ушах, развевая её светлые, почти белые волосы — ей показалось, что они и вправду взлетели, оторвавшись от земли. А Земля, удаляясь сине-зелёным шаром, осталась где-то внизу. Сверху, навстречу, надвигалась чернота — густая и ощутимая — и они окунулись в неё — окунулись без страха — спокойно и привычно... Копыта, мелькающие с невероятной быстротой, высекали искры огня из этой тьмы — а она, собирая их в ладони, бросала вверх — и всё ярче, всё зримее становился Млечный Путь, указывая им дорогу.

Через какое-то время конь со своей всадницей опустил-

ся на поляне у огромного дуба. Легко спрыгнув с коня, она посмотрела не него какими-то мудрыми, бездонными глазами, а красавец конь, подогнув передние ноги, стал на колени, склонился перед женщиной в глубоком поклоне – и застыл, как изваяние.

– Спасибо тебе, брат мой! – улыбнулась женщина тихо и светло, – и до встречи!

Неожиданно гигантская ветка с дуба улеглась перед ней стрелкой, указывающей путь. Стало тихо. Ни щебета, ни жужжания, ничего. В этом безмолвии плыли облака, будто волшебные с огромные привидения. Отрывались друг от друга, сливались вновь, образуя стайки, смотрели, и, казалось, беззвучно хихикали. Женщина резко раздвинула ветви, шагнула в чащу, не обращая внимания на то, что затрещали кусты, посыпались сверху шишки. Это ничуть не смутило её. Она продиралась вперёд, ещё не зная зачем, но чувствуя, что ей туда. Лес оборвался неожиданно, открыв небольшую поляну с покосившейся избушкой, выглядывающей из-за ограды. Женщина приостановилась, что-то буркнула себе под нос и шагнула за городьбу. Избушка участливо посмотрела на нее мутными окнами и захлопнула ставни. Женщина решила обойти вокруг в поисках входа, но не тут-то было. Ноги словно приросли к земле. Тогда она робко постучала по створке, ответом была тишина. Женщина задума-

лась, остаться ни с чем, как-то не вязалось с её понятиями. Она забарабанила так, что избушку стало потряхивать.

— Кому тут что понадобилось? Видишь, не открывают, может, ты просто стучишь не туда? Попробуй, милочка, иначе, — откуда-то сверху раздался скрипучий голос.

Женщина подняла голову, присела от неожиданности, разинув рот. Сверху плавно опускалась ступа, а в ней стояла поджарая бабуля в атласном платье в пол. Из-под замысловатой шляпки выбивались сиреневые локоны. В руках она держала не метлу, не клюку, а самую настоящую трость.

— Чего обомлела, глаза вытаращила? Ягу не признала? Пожаловала зачем? — она ловко, опираясь на трость, выступила из своего транспортного средства и скомандовала избушке, — встань, как мать поставила, к лесу задом, ко мне передом! — и ударила тростью оземь.

Изба заскрипела и не спеша, переступая с ноги на ногу, повернулась к хозяйке. Яга, споро шагнула на крыльцо, и вот уже перед женщиной сухопарая, странно одетая старушка, скептически поджав тонкие морщинистые губы, произносит:

— Потеряла где, али не хватает чего? Проходи уж, коли явились.

— Опять кого-то притащила из своей экспедиции! Хозяйка, ау, ты Баба-Яга или Мать Тереза? — огромный черный Кот в майке с портретом Майкла Джексона лениво стянул наушники и свесился с печи.

— Помолчи, басалай, — Яга глянула мельком на кота, — хорош тебе бока отлеживать, иди прогуляйся.

Она сноровисто скинула туфли из кожи цвета металлик, сунув ноги в цветастые тапочки, и, шурша шелковой юбкой, двинулась было к столу, но окинув взглядом гостью, подтолкнула её к окну. Та от неожиданности плюхнулась на огромный, кованный сундук.

— Ну, зачем пожаловала, Дубрава? Какая нужда?

Женщина, точно куль с мукой, продолжала неподвижно сидеть на сундуке.

— Чего молчишь, Дубрава? Или склероз у тебя — тут помню, а там забыла? Так склероз вылечить нельзя, о нем можно просто забыть!

— Как ты меня назвала, бабуля? Почему я Дубрава?

— А ты что ль имени своего не знаешь? Дубрава и есть! Тебя ж к дубу отправили! Много вопросов не задавай, говори, зачем пришла, а то некогда мне, — Яга накинула на плечи платок с бахромой и принялась накрывать на стол, — отведаешь пицци моей, вспомнишь всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.